

Игорь Петраков

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ 41

Ознакомительный фрагмент.
ПРОХЛАДНЫЙ МИР. ПОВЕСТЬ.
ОКТЯБРЬСКИЙ. СБОРНИК РАССКАЗОВ.
КРАТКИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.
ДВЕ РЕЦЕНЗИИ.
НОВОСТИ «ОМСКОЙ НЕДЕЛИ».

Омск 2025

В сорок первый том нашумевшего Собрания сочинений Игоря Петракова вошли повесть «Прохладный мир», сборник рассказов «Октябрьский», краткие содержания произведений, подготовленные при помощи нейросети, а также 2 рецензии и новости группы «Омская неделя» Вконтакте.

Прохладный мир.

Фантастическая повесть.

Повесть-фантазия по мотивам рассказа Владимира Набокова «Соглядатай».

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данном тексте (если мое произведение можно так назвать) предпринят своеобразный эксперимент – события рассказа Владимира Набокова «Соглядатай» из одноименного сборника перенесены на современную почву.

Мне было интересно проследить, как сегодня чувствовали, думали и вели бы себя герои рассказа Набокова, который некоторые критики называют маленькой повестью или даже романом.

Кроме того, текст может быть рассмотрен и как самостоятельное произведение. В нем предпринята попытка охарактеризовать природу параллельного мира, в который периодически попадает герой моей повести. В этом параллельном мире он ищет решения своих проблем, разгадки на каверзные вопросы повседневного бытия (если можно так выразиться), ответы на задачи, которые ставит перед ним судьба.

Если в рассказе Набокова многие критики выявляют феномен «ненадежного повествователя», то в моей повести в этом отношении все как будто бы ясно. Но это только на первый взгляд. Ибо постмодернистская (как любит говорить Юрий Поляков) интерпретация произведения Набокова прослеживается у меня на всех уровнях.

Большинство глав украшают собой эпиграфы – фрагменты из песен современной российской рок-группы «Смысловые галлюцинации». Они передают настроение, связывающее повествователя и героя, по-иному освещают темы, затронутые в соответствующих главах.

Глава 1. НАТАША.

Конечно, Егор и раньше подозревал, что Вселенная наша неодномерна. Что в ней может существовать не один, а два или

несколько миров. Об этом говорили хотя бы произведения Крапивина, например, цикл повестей писателя «В глубине Великого кристалла», в особенности, «Выстрел с монитора», «Застава на Якорном поле», «Оранжевый портрет с крапинками», «Гуси-гуси, га-га-га». В исследовании, которое предпринял Егор как-то на досуге, он рассматривал художественную гипотезу, согласно которой Вселенная имеет форму Кристалла, на каждой из Граней которого существует собственный мир.

Не каждый способен проникать через Грань миров. Для этого нужно обладать особым даром, считал Крапивин. Им наделены были, в частности, дети – Пограничники. Или дети, обладающие особыми способностями, - койво.

Или вот еще один автор, пишущий о параллельном мире – Лукьяненко. Одна из работ Егора о его произведениях так и называлась – «Гипотеза о ином мире в прозе С.Лукьяненко». Лукьяненко называл иной мир «сумраком». И утверждал, что в этом мире идет вековечная и более очевидная, чем в нашем, обыденном, борьба сил добра и зла, Светлых и Темных Иных.

Были намеки на иной мир и в Православии. Он делился, по мнению священников, на два противостоящих друг другу пространства – рай и преисподнюю. Там якобы продолжалась жизнь ушедших от нас людей.

Егор и сам чувствовал, что должен существовать иной, более тонкий, мир, где продолжалось бы существование душ ушедших от нас родственников. Пусть этот мир будет не таким красочным, не таким впечатляющим, не таким обширным и огромным, как наш, земной, но он должен, считал Егор, непременно существовать.

В этом мире (продолжал размышлять Егор) можно будет найти то, что порой трудно найти в мире здешнем. Справедливость, законность, любовь, преданность, верность. Особенно обострились думы об ином мире у Егора после того, как после онкологической болезни у него ушла мать. Смириться с тем, что она просто «растаяла» в пространстве, как весенний снег, Егор не мог. Он постоянно думал о том, что жизнь ее продолжается.

Продолжается причем – не на отдаленных звездах и планетах, а где-то рядом, недалеко, в мире, до которого при благоприятных обстоятельствах – рукой подать. Егор читал Псалмы по матери, молился за нее так, как этому учила Православная Церковь.

Иногда мать снилась Егору. Сначала – в тревожных снах. Где рассказывала о том, как нужно прилежно молиться Богу в ее новом

мире. И просила Егора молиться за нее.

Затем, по прошествии некоторого времени, сны стали более спокойными. Мать как будто обжилась в новом пространстве. Конечно, оно было неидеальным, но разве идеальным является хотя бы наблюдаемый нами днем мир?

Законы материального мира казались Егору необыкновенно скучными по сравнению с перспективами Прохладного мира (так он окрестил про себя новый мир, куда ушла его мать). Материальный мир, конечно, отличался бОльшой предсказуемостью, предопределенностью. О нем Его написал такое стихотворение:

Останется студеный стыд
тропа в снегу, последний нищий
и зимний сад, где ты, простыи,
шатаясь, ждешь духовной пищи.

И то же небо без чудес,
достойное своих животных,
все тот же мир, планета, лес, -
никто не ждет, никто не смотрит,

никто не спросит, кем был ты,
кого любил, за что цеплялся,
а строчек черные цветы –
над ними будут лишь смеяться,

какая страшная игра..
твоих очей седое солнце,
сгорая, падает, звезда..
все тот же я, когда проснешься.

В материальном, дневном, знакомом всем нам мире, музыка небесных сфер напоминала безконечные повторения шарманки, а небесные тела двигались по своим орбитам с математически ужасающей точностью. В этом был залог некоторого постоянства, но в целом, положение дел в материальном миреказалось Егору верхом человеческой скуки. Не зря же героя Набокова так тянуло к «сонному миру» - «какие просветы по ночам, какое .. Он есть, мой сонный мир, его не может не быть .. Сонный, выпуклый, синий, он медленно поворачивается ко мне .. Там – неподражаемой разумностью светится

человеческий взгляд, там на воле гуляют умученные тут чудаки, там время складывается по желанию, как узорчатый ковер .. Там, там – оригинал тех садов, где мы тут бродили, скрывались; там все поражает своей чарующей очевидностью, простотой совершенного блага». «Еще ребенком, еще живя в канарееочно-желтом, большом, холодном доме, где меня и сотни других детей готовили к благополучному небытию взрослых истуканов, в которые ровесники мои без труда, без боли все и превратились, еще тогда, в проклятые те дни, среди тряпичных книг и ярко расписанных пособий .. я знал .. знал, пожалуй, еще яснее, чем знаю сейчас».

Куда, в какой мир уходил в finale «Приглашения на казнь» Цинциннат Ц – конечно, большая загадка. Но как соблазнительно ее разгадать. Или нет, не разгадать окончательно, а приподнять край занавеси, отделяющий один мир от другого, приоткрыть дверь в иное пространство, где есть свой закон, свой порядок, свои простые или сложные отношения между людьми.

Встречи с матерью в ином мире были непродолжительными. Мать ни к чему не побуждала Егора, просто сидела и глядела на него во все глаза. Или брала его руку в свою и легко держала. Но однажды она сказала ему:

- Напиши об этом мире.

- Но он так фрагментарен, так неуловим, - попытался протестовать Егор.

- Напиши хоть немного.

И вот Егор в один из одиноких вечеров уселся за ноутбук и попытался собрать воедино те крупицы информации, что он знал о Прохладном мире.

Трудно было сосредоточиться, трудно было настроиться на нужный лад. В мыслях его образ матери потускнел. Он больше сейчас думал о девушке из книжного магазина, в которую был влюблен. Ее звали Наташа. Но роман их развивался вяло. Играть роль пылкого влюбленного Егору не хотелось.

В книжный магазин Егор захаживал часто. Ему нравилось если не покупать книги, то рассматривать их обложки, находить знакомые еще по институту названия. Иногда Егор и покупал кое-что. В основном это была классика двадцатого века (Булгаков, Войнович, Солженицын), а также произведения Набокова и Юрия Полякова. Также Егор покупал файлы, блокноты, ручки и тетради.

Наташа шустро летала как бабочка – призрак между стеллажами, расставляя книги на полках. Легкость ее тела была словно не от мира

сего, словно Наташа была гостьей в этом материальном мире, невзначай задержавшейся здесь, но забывшей выход в более чудесную действительность.

Эпоха коронавируса прошла, в театр можно было ходить свободно, и в один из дней Егор пригласил Наташу в местный театр. Наташа ответила согласием, и Егор принес ей билет. Идя из магазина, Егор чувствовал во всем теле необычайную легкость. Согласие Наташи, с такой легкостью полученное им, словно бы окрылило его. Не хотелось думать ни о прошлом, ни о будущем, которые не суть ли собрания громоздких стереотипов? – весь мир был одно настоящее. Он тихо млел под сентябрьским солнцем, словно сошедший со страниц увлекательного романа «про любовь».

В эту минуту Егор вспомнил название книги одного российского православного священника – которая называлась «Все обретает смысл». Этот небольшой сборник прозы и поэзии он как-то приобрел в Москве, когда был там по заданию института.

Через две недели Егор собрался в театр. Волновался он необыкновенно. Выйдя из дома, дотронулся правой рукой до кармана куртки – пусто. Забыл билеты. Пришлось возвращаться, и перед уходом вниз посмотреть на себя в зеркало.

Чтобы успокоиться, Егор проделал путь до театра – одну остановку автобуса – пешком. Мир, дневной, потенциально косный, действительно обретал смысл. Загадочно лоснились лужи под светом заходящего осеннего солнца. И Егор подумал, что может примириться на какое-то (может быть, и весьма продолжительное) время с существованием этого мира, оставленного его матерью. В этом мире теперь была Наташа – девушка, неравнодушная к его ухаживаниям (а это был редкий случай, замечу между строк).

Накрапывал мелкий дождь. Егор нашел Наташу перед зданием театра. Она терпеливо ждала его.

- Сегодня что-то холодно, - сообщила Наташа, - и вот дождь зарядил некстати.

- Давно меня ждешь? – спросил Егор.

- Порядочно. Уже почти полчаса.

«Не надо было так рано приезжать», - хотел сказать Егор, но из деликатности промолчал.

В фойе театра было светло от зажженного электричества. Светло и как-то уютно. Потенциальные зрители, молодые и не очень, прохаживались по фойе. Они разглядывали портреты актеров, вывешенные здесь же. Некоторые фотографировались рядом с

фортепьяно.

Затем был большой зал театра, где Наташа и Егор уселись рядом на креслах третьего ряда. Начался спектакль. В одной из первых сцен круг света выставил на скамейке двух влюбленных. И Егор невольно поразился аналогии с ним и Наташой. Вот так же они сидели на креслах театрального ряда, и похожая незримая связь словно повисла в воздухе между ними.

В перерыве Наташа смотрела что-то в своем телефоне, а Егор рассказывал ей об актерах, играющих в спектакле. Дело в том, что Егор часто посещал представления этого театра, и большинство актеров, их творческая манера были ему хорошо знакомы.

Спектакль был комедийным. Но Егор не очень отчетливо понимал его суть, взволнованный близостью Наташи.

Выходили из театра поздно. Ночь своей массой наваливалась на город, грозя передавить все здания (как написал бы автор «Романа с кокайном»). Дождь перестал, Наташа вызвала себе такси, и они договорились с Егором встретиться на следующий день в магазине.

Наташа галантно поблагодарила за культурный досуг – и исчезла в сумраке машины. Дверь закрылась, машина тронулась – и как будто оборвалась нить, связывавшая незримо наших героев в этот вечер.

Глава 2. ТИХИЙ МИР.

В эту раннюю осень Егор любил прогуливаться с Наташой (иногда – взявшись за руки) по тихим переулкам своего района. В эти минуты ему казалось, что близость с Наташой не даст ему большего, чем он испытывал, находясь с ней рядом на солнечной осенней улице его родного города. Вечернее заходящее солнце золотило волосы Наташи, деревья шумели желтой листвой, порыв ветра порой налетал на них – и столько было поэзии в этом трепетном, малозаметном движении ветвей и листьев под порывом ветра..

Вернувшись домой после одной из таких осенних прогулок, Егор плотно поужинал и сел за ноутбук. Ему захотелось написать несколько слов о Прохладном мире. На минуту его внимание отвлекла фотография Наташи, расположенная под стеклом на полочке шкафа, стоящего за ноутбуком.

На этой фотографии Наташа стояла в окружении других сотрудниц книжного магазина на фоне кирпичной стены. Стена так же трепетно была освещена солнцем. На фотографии Наташа смеялась, и

Егор невольно вспомнил ее снисходительную улыбку во время одной из последних прогулок. Улыбались на фото и другие сотрудницы магазина, столь же молодые, как и сама Наташа.

Егору не хотелось вспоминать о тихом, пустом – без Наташи – параллельном мире. Но он будто обступил его со всех сторон. Обступил как верное, привычное за много лет одиночество. Наташа была словно незваной гостьей в этой его одинокой жизни. В жизни, к которой Егор так привык, и с которой сердце не хотело расставаться.

Одной из характеристик его отъединенной жизни и был Прохладный мир, в котором, как думал Егор, находились души людей, ушедших из мира материального. Егор еще раз взглянул на фотографию Наташи, с какой-то тоской подумал, что вот, надо будет в пятницу посетить Светлану, ее подругу, а затем углубился в воспоминания.

Итак, что собой представлял Прохладный мир? – размышлял Егор – это параллельное нашему, так называемому «материальному миру» пространство, которое имеет свои особенности. В чем они заключаются?

1. В Прохладном мире никто не погибает и не умирает. Там не бывает критических проблем со здоровьем. И само слово «смерть» в этом ином мире табуировано, внезаконно.

2. В Прохладном мире не действуют некоторые законы физики. Например, там может отсутствовать земное притяжение. Люди могут летать, не прилагая к этому сверхординарных усилий.

3. В Прохладном мире можно отменять события, произошедшие во времени. То есть заколызовывать время. Что было описано Сергеем Лукьяненко в первой части романа «Ночной Дозор», когда Антон Городецкий заставил восстановиться разбитую чашку.

«Я позволил броуновскому движению восстановиться, и лед вскипел. Егор вскрикнул, роняя кружку.

- Извини, - я вскочил, схватил с раковины тряпку. Присел, вытирая с линолеума лужу.

- От магии сплошные неприятности, - сказал мальчик. – Чашку жалко.

- Сейчас.

Тень прыгнула мне навстречу, я вошел в сумрак и посмотрел на осколки. Они еще помнили целое, и чашке вовсе не суждено было разбиться так быстро.

Оставаясь в сумраке я сгреб рукой горстку осколков.

Несколько самых мелких, отлетевших под плиту, охотно

подкатились поближе.

Я вышел из сумрака, и поставил целую чашку на стол.

- Только чай наливай заново.

- Круто».

(«Ночной Дозор»)

4. В этом мире нет смены времен года, нет смены времени суток.

Например, трудно наблюдать там закат или рассвет. Солнце обычно стоит высоко в небе, но никогда не видно отчетливо, часто скрыто за слоем облаков. Погода – прохладная летняя.

5. Часто пространство Прохладного мира слабо освещено (о чем уже говорилось выше) или ограничено (представляет собой, например, комнату дома или коридор).

6. Когда ты попадает в иной мир, то часто испытываешь иррациональное чувство – чувство уже однажды виденного (дежа вю). Так в рассказе Набокова «Что раз один, в Алеппо» попадание героя в подобное пространство сопровождается.. ощущением странности. Глядя на розу, оставленную в пустой комнате (нет разницы между отсутствием геройни), он словно испытывает некоторое иррациональное чувство.

В «Романе с кокаином» такое же странное чувство испытывает герой в пустом ночном коридоре. В одном из «детских» рассказов писателя, «Обиде» ситуация как будто повторяется — герой оказывается на пустой веранде и глядит со странным чувством на поляну, которая также.. пуста. В романе «Защита Лужина» после партии с Турати герой обнаруживает себя в таком пространстве, где «холодно и темновато».

7. В Прохладном мире находятся души ушедших от нас людей. Так в романе «Мастер и Маргарита» внутри пространства «пятого измерения», как в одной из повестей Белкина, оживают давно почившие персонажи.

Например, Воланд устраивает грандиозный парад сводников и отправителей, которые были казнены при различных обстоятельствах.

8. Сергей Лукьяненко называет Прохладный мир сумраком. Это название укоренилось в критической литературе об Ином мире. Так, «Википедия» утверждает, что пребывание в Сумраке требует от организма особых энергетических затрат, и потому «чревато как для новообращённых Иных, так и для Иных со стажем. Сумрак не просто тянет силу из Иного, подчас он выкачивает жизненную энергию».

9. В Прохладном мире доступны порталы – ворота для перемещения из одного изолированного пространства в другое.

Портал используется с одной целью – достичь определенного места в пространстве. Портал представляет собой своеобразную «белую дыру» пространства, благодаря которой человек перемещается к избранному месту в пределах десятка – полутора километров.

Недостаток – создание портала и поддержание его в жизнеспособном состоянии до тех пор, пока маг не достигнет цели требует огромного количества магической и жизненной энергии. И еще один недостаток – вслед за магом в Портал могут устремиться Темные силы.

10. В Прохладном мире слово имеет заклинательную силу. Поэтому там возможно применение заклинаний. Сергей Лукьяненко считает, что такие заклинания доступны только магам. Известны несколько десятков заклинаний, среди которых – «Огненный шар», «Сгустки Тьмы» (для Темных магов), «Отбросить», «Заморозка», «Молчание», «Кристаллическая стена», «Угрызения совести», «Лучший друг» и многие другие.

11. В Прохладном мире можно встретить своего двойника (о котором так часто писали авторы русской литературы) или – если вы опытный маг – создать копию себя - образ, наделенный некоторой яркостью и убедительностью. Таким образом противник направит свои магические и немагические атаки на созданный магом образ. У самого мага есть время для того, чтобы предпринять то или иное действие.

12. В Прохладном мире люди не властны – так, как они властны в обыденном мире. Они не могут здесь упиваться властью над другим человеком. Не могут в собственной одержимости наслаждаться своей силой. И уж, естественно, не могут оскорбить. Как писал герой Владимира Набокова в романе «Соглядатай», здесь человеческий мир «как ни старайся, не может оскорбить меня, я неуязвим».

Егор отвлекся от написанного, посмотрел в окно. Солнце в человеческом, знакомом нам мире садилось за горизонт. Розовый свет освещал стены многоэтажного жилого дома напротив. И внезапно этот привычный нам человеческий мир показал Егору новым и тоже исполненным поэзии, нежности, наполненным эмоциями, не подверженными изменениям в русле известных законов физики и химии.

Где-то в этом мире жила Наташа. И это обстоятельство придавало человеческому миру смысл. Казалось, бессрочный договор Егора с параллельным миром – одна из условностей, которую ему предстоит нарушить.

«Завтра я пойду к Светлане, - решил Егор, - и, возможно, встречу там Наташу». Дом Светланы в эту минуту показался ему светлым – и не только по аналогии с именем подруги Наташи, сколько из-за отсвета встреч с героиней нашего романа, с которой Егор до этого встречался в доме Светланы.

Все казалось незначительным по сравнению с предстоящей встречей – и политические пустяки, которыми потчевало своих зрителей телевидение, и бедность Егора, и движение автомобилей на шумной улице под его окнами. Все это было условностями, преходящими моментами для большого чувства к Наташе. Чувства, которое, казалось, сама Наташа не в силах была разрушить – даже если бы захотела. Чувства, которое – единственное во всем мире по ту и другую сторону жизни – делало Егора богатым и по-своему счастливым.

Душа Егора в этот вечер была словно зерно, в котором проклонулся росток – направленный прямо в небо – росток счастья. «Как же мне необыкновенно повезло, - думал Егор, - но все это – за всем этим – скрывается тщательная работа судьбы. Я не мог – с моей любовью к книгам – не зайти в этот книжный магазин – и не познакомиться с Наташой. Светлая неизбежность нашей встречи. Ее необходимость для развития души. Именно встреча с Наташой была как капля воды, пробудившая к жизни зерно моей души.. Впрочем, все это как-то слишком высокопарно звучит».

С этими мыслями Егор засыпал в этот осенний вечер. И, повторюсь, был по-своему, по-особенному счастлив.

Глава 3. ДУРНЫЕ ВЕСТИ.

Ты, ты сидишь так спокойно,
Ты можешь теперь веселиться,
Ты можешь теперь утопиться
Посреди городского пруда.
Безследно исчез убийца,
Бурой кровью снег пропитался,
Серым волком в ночь проорался,
Белой мышью катилась слеза..
На восток серый дым уползal
На коленях по грязному снегу,
Стая псов окружила мой дом,

И опять не удался побег.

«Смысловые галлюцинации», «Мне страшно».

Дом Светланы был типичной блочной пятиэтажкой. Летом он утопал в зелени, а во дворе на детской площадке в песочнице деловито возились с совочками и игрушками малыши.

В этот осенний вечер он уже потерял былое – летнее – очарование. Ветер по-осеннему жестко бился в стекла, сгибал ветви деревьев, небо было пасмурно. Но ни на что из этого не обращал внимания Егор. Его согревала мысль о встрече со Светланой – и, возможно, в этот вечер он увидит Наташу.

Светлана встретила Егора с улыбкой. Кивнула на вешалку – мол, раздевайся. Егору казалось, что особенно ярко горят в этот вечер и огни на улице, и светильник в прихожей Светланы.

Он прошел на кухню, куда его пригласила хозяйка. Взглянул в окно. Над противоположным домом тучи ходили низко, казалось, вот-вот пойдет дождь. Симпатичные прохожие шли куда-то по своим делам под окнами дома. Положительно, человеческий мир в этот вечер нравился Егору. И, казалось, судьба могла бы пощадить его.

Егор рассказал Светлане о своей работе в редакции газеты, о том, что видел недавно общих знакомых. Светлана говорила что-то о новом зарубежном фильме, вышедшем недавно «на экраны».

Неведомо как разговор зашел о Наташе. Светлана вспомнила, что та недавно приходила к ней в гости.

- Да, она – настоящая невеста, - беззаботно произнесла Светлана, - у нее здесь – жених.

Егор почувствовал себя так, словно падал в лифте с двенадцатого этажа. Так любовно, так тщательно выстроенный мир, опиравшийся какой-то своей частью на его отношения с Наташей, словно обрушился вниз. Так падает вниз земля на обрыве.

Егор попытался взглядом зацепиться за предметы, которые совсем еще недавно были свидетелями его счастья, но те предательски видоизменились – пузатый чайник смотрел насмешливо, блюдца окоснели.

Егор понял в эту минуту, как хрустально, как хрупко его счастье. Ибо оно было разрушено всего лишь одной фразой Светланы.

Он прошел в гостиную. Светлана удивилась этому. Но Егору было необходимо взглянуть на те вещи, среди которых он беседовал еще совсем недавно с Наташой, смотрел вместе с ней фильмы. Как ни

странны, именно они вселили в Егора чувство некой уверенности. Уверенности в том, что, может быть, все еще образуется в его жизни. Что фигура жениха, вставшего между ним и Наташей, - вовсе не такая роковая, как это казалось на первый взгляд.

Светлана проводила Егора. Он вышел на улицу. Ветер разыгрался не на шутку, обыскивал прохожих в подворотнях, поднимал полы женских плащей. В этом ветре Егору на секунду привиделось нечто апокалиптическое.

Дома Егор решил, что завтра, после работы, заедет в церковь. Вообще-то в церковь он ходил редко, но тут решил, что ему необходима немедленная помощь Создателя.

Засыпал он плохо. Все ему казалось, почти как герою Булгакова, что темнота за окном может выдавить стекла, что ветряная стихия, разгулявшаяся необыкновенно в тот вечер, ворвется в его квартиру, как ворвалась в его жизнь дурная весть, передатчицей которой выступила Светлана.

И на следующий день он отпросился с работы пораньше, заглянул к себе домой – и уже оттуда, пешком пошел в церковь. Дорогу в церковь Егор тоже запомнил плохо. Прохожие казались ему какими-то несимпатичными, иногда – просто уродливыми субъектами, которых он порой с брезгливостью огибал.

Одиночество, огромное как небо, одиночество обрушилось на Егора. И ему было необходимо как-то разрешить его, найти ответ на простой вопрос – «Как, в сущности, жить дальше?»

С нетвердой надеждой и ожиданием ответа вошел Егор в православный храм. Егор крестился уже в сознательном возрасте, но, надо сказать, церковь часто не посещал, предпочитая появляться там от случая к случаю. В пять часов должна была начаться вечерняя служба. Пока же Егор поставил две свечи – за здравие – и смиренно помолился перед иконой Спасителя.

И здесь, в церкви, стоя перед иконой, он понял – что не надо отчаиваться, что жизнь его продолжается. И она, эта жизнь, как знать, может принести еще ряд удивительных открытий, которые укрепят и порадуют его сердце. Фигура жениха Наташи потеряла свое мрачное, мистическое очарование. Та угроза, которую она в себе таила, теперь особо не волновала Егора.

Публика в храме собралась разношерстная. Была тут и молодая семья с двумя детьми дошкольного возраста. Когда Егор во время особо впечатляющей рулады священника прикрыл глаза, мальчик, стоящий слева от него, назидательно ему заметил:

- Не спи!

В этот момент Егор вспомнил, как посещал храм на Рождество. Рождественская служба была поздней. Во время нее необыкновенно хотелось спать. Или, может быть, запах ладана так влиял на Егора? Неизвестно.

А потом был еще Крестный ход. На который Егор, к слову, хотел было пойти без шапки. Но многоопытный прихожанин рассказал ему, что в такую холодную погоду (Рождество-то – зимой!) шапку снимать не нужно.

Егор вспомнил, как он покупал в церкви книги о Православии. Особенно ему запомнились «Рассказы о чудесах» Емеличева. Автор книги был православный священник. Он рассказывал в книге разные случаи из своей жизни, в том числе – личной, семейной. Касались они и неприятностей с женой. Теперь Егор думал, что похожие неприятности у него возникли с его возлюбленной.

Были и другие книги, которые приобретал Егор в церкви. Одна из них – «Современная культура и Православие» за авторством Олеси Николаевой. Особенno заинтересовала Егора в этой книге глава про Михаила Булгакова, к творчеству которого Егор был неравнодушен и даже в институте как-то писал курсовую работу по теме романа «Мастер и Маргарита».

Были и другие православные книги – «Исповедь кающегося грешника», «О тайных недугах души», «Церковь, больница, больной». Они тоже вызывали у Егора живой интерес. Каждая из этих книг показывала, что жизнь, оказывается, не состоит из одних только удовольствий и приятных моментов. Есть в человеческой жизни и боль, и страдание, и мучительные порой движения души. Человеческая жизнь – сложна, в этом Егор смог убедиться хотя бы на собственном примере.

С отдохнувшей душой Егор вышел из храма. Ветер на улице успокоился, было только некое едва заметное шевеление листвьев берез, росших недалеко от дверей церкви. Свет уличных фонарей казался хорошо знакомым, родным. Все в мире – в общем-то не самом благоустроенном из миров –казалось родным, понятным, дружественным. Егор направился по трепетным, вечереющим улицам домой. Душа его умягчилась, была спокойна. Это было прямо-таки какое-то необыкновенное, олимпийское спокойствие. С умилением Егор смотрел на детей, которые шли по тротуару со своими родителями. Мир вновь обретал смысл.

Как будто стихло все в природе. Егор перешел через

железнодорожные пути, спустился на улицы Привокзального поселка. Здесь было уже по-ночному пустынно. Желтолистая береза, освещенная фонарем, стояла как новогодняя елка или как дерево с выставки на противоположной стороне улицы. Столько раз Егор проходил мимо нее раньше, и как-то не замечал вот этой ее красоты. Так герой повести Владимира Солоухина не замечал красоты одной деревенской березки до того, как не увидел ее на фоне заходящего солнца. И только тогда принялася ее рисовать (герой был, как помнится, начинающим художником).

Нужно было еще перейти железнодорожные пути. Маневровый электровоз задушевно выпустил свою трель, предупреждая о своем приближении. Егор молча осмотрел его, передвигающегося по путям дальше, и отметил, что он тоже положительно красив.

Теперь не было никакой необходимости рвать отношения с Наташой. Егору казалось теперь, что они могут продолжаться без конца – и Бог весть, в какую форму они могут вылиться в будущем.

Глава 4. МУХИН.

Мне не нравится лето,
Солнце белого цвета,
Вопросы без ответа,
Небо после рассвета.
Унеси меня, ветер,
На другую планету,
Только не на эту,
Где я все потерял.

«Смысловые галлюцинации», «Розовые очки».

В один из следующих дней Егор наконец-то познакомился с Мухиным – ухажером и номинальным женихом Наташи. На вид это был, хотя и малорослый, но довольно учтивый и корректный господин.

Мухин работал полицейским. Трудно представить себе (думал Егор) более банальную и скучную работу. Но чем-то Мухин очаровал смешливую Наташу, нашел, видимо, к ней какой-то особый, свой подход. И вот теперь Мухин – завидный жених, счастливец, сидит, заложив ногу на ногу, в кресле – в гостиной дома Светланы. Сидит,

вшедший сюда прочно, основательно. И основательно занявший его, Егора, место в сердце Наташи (так опять – таки думал Егор).

Рядом восседает Александр – жених Светланы. Он более высок, и более симпатичен – и Егору, и автору этой повести. Александр перелистывает лениво, с неохотой, семейный альбом Светланы. Мухин периодически заглядывает в альбом, в основном молча, но иногда давая свой веский комментарий.

Егор сидит за столом, на котором скоро появятся угождения. Сидит в совершенном одиночестве, которое будто бы предвозвещает его роковое жизненное одиночество после ухода возлюбленной. Вся картина будто снята при ярком освещении посредственным фотографом и напоминает старую литографию или гравюру. Все внешне выглядит вполне сносно, прилично. И только в глубине души Егора ворочается такая неуместная здесь, никому не нужная боль.

Светлана, говорившая об ужасах войны, умолкает, и Егор пытается взять слово:

- Внимая ужасам войны.. Но прежде всего надлежит разобраться в том, кто эту войну начал. Кто заварил, так сказать, кашу. И с чьей стороны она справедлива.

- Война справедлива, я думаю, с нашей стороны, - сухо перебивает его Светлана, - я, вероятно, иначе воспитана, чем ты. Я считаю, что надо быть патриотом сегодня..

- Я лично.. – начал Егор, но Светлана опять его перебила:

- Военная доблесть имеет место и в наши дни. И больший подвиг совершают врачи. Может быть, другое воспитание...

- Я лично.. – сказал Егор.

- Когда лично встречаешься с людьми, прошедшими через горнило сражений (да, именно так и сказала!), сочувствуешь и сопереживаешь им. Тем более, что они сражаются за правое дело. Как говорил один политический деятель, «своих не бросаем».

- Я лично.. – сказал Егор.

- Но довольно. Я вижу, что ни я тебя не убедила, ни ты меня. Прения закончены.

- А я вот что хотел сказать, - подхватил Мухин, - ты упомянула о Донецке, Светлана. Был там у меня один хороший знакомый – некий Кашмарин, впоследствии я с ним поссорился, он был довольно резок и вспыльчив, хотя и отходчив. Между прочим, он одного хохла избил до полусмерти – из ревности. Ну, вот, он рассказал мне следующую историю. Рисует нравы Турции. Представьте себе..

- Неужели избил? – прервал Егор с улыбкой, - Вот это здорово,

люблю..

- До полусмерти, - сказал Мухин, и продолжил повествование.

Затем вся группа перемещается за стол. Светится так мирно, так знакомо, так привычно экран телевизора, на котором идет концерт, посвященный очередному празднику.

Уста жуют, а на экране играет на фортепиано Дмитрий Маликов.

- Надеюсь, он не будет петь? – иронически подтрунивает над популярным певцом герой нашей повести.

- Я тоже об этом подумал, - сразу же подхватывает мысль дружелюбно настроенный к Егору Мухин.

Знал бы Мухин, какие тяжелые, мрачные мысли сейчас ворочаются в сознании Егора – наверняка бы не был таким беспечным. Но больше, чем Мухин, Егора сейчас занимает Наташа. Она сидит вдали от Егора, за Мухиным. Лицо ее отчего-то светится. Как будто Наташа действительно счастлива находиться рядом с Мухиным. Эта эмоция Наташи приносит Егору только дополнительные страдания.

«Да, жизнь неодномерна, - думает Егор, - краски жизни бывают для одного светлыми, а в то же время другому человеку они кажутся мрачными и преисполненными тьмы. И, если подумать, почему Наташа должна быть привязана ко мне? Я всего лишь один из ее знакомых, один из ее ухажеров. Как она красива сегодня.. Как будто на прощание хочет дать мне все оттенки своей красоты».

Зашел разговор о российской эстраде. Разговорчивый Мухин что-то доказывал Светлане. Егор, слушая, одобрительно кивал, и было видно, что такой человек, как он, несмотря на его скромный вид, может внести в беседу живую струю, дать слушателям неожиданную, умную мысль, порадовать звучным высказыванием или афоризмом. Александр, оживившийся только на разговорах на военную тему, сидел какой-то мрачноватый, как будто именно у него, а не у Егора, умыкнули невесту – под плащом, ветреной ночью.

- У меня все подробно в дневнике изложено, - самодовольно заключил Мухин и хлебнул чай.

Может быть, эпистолярным мастерством Мухин пленил сердце Наташи? – подумал Егор. Ведь Наташа была неравнодушна к печатному и написанному слову. Может, за загадочной фигурой соперника скрывается талант, еще невиданный в нашей стране, талант, честь открытия которого принадлежит именно Наташе? Егор поймал себя на мысли, что думает об этом с каким-то садомазохистским наслаждением.

Александр и Мухин застыли на своих местах. На экране

появилась новая певица в облегающем платье. Светлана и Наташа оправили платья на коленях совершенно одинаковым жестом. Светлана ни с того ни с сего уставилась на Егора, который сидел к ней в анфас и играл желваками скул под ее недоброжелательным взглядом.

Он мне нравился, да, Егор мне положительно нравился. Еще не полностью истлел в нем образ Егора-жениха, человека с железными нервами, выдержавшего все испытания и заслужившего любовь своей пассии. О, эта привычка автора к человеческому благополучию! О, эта вера в то, что все в жизни будет нормально и славно, несмотря ни на какие предлагаемые обстоятельства! О, неисправимый оптимизм русского писателя, основанный на ощущении того, что «все будет правильно, на этом построен мир» (как писал Михаил Булгаков в «Мастере и Маргарите»)!

Но привкус чего-то рокового, судьбоносного все же чувствовал Егор в этот вечер. Как будто что-то вместе с Наташой уходит от него безвозвратно, какая-то перспектива жизни, какая-то радость, надежда, что ли.

Какая-то тоска, какая-то покинутость, какая-то пустота в сердце. «Уходят люди безвозвратно.. А в нашем сердце только пустота», - как сказала одна начинающая, но талантливая российская поэтесса. Или, как сказала Наталья Семенова, -

Он искал работу – работы нормальной нет,
Отношения не срослись ни с этой, ни с той,
Говорит он гордо: «Блогер я и поэт»,
А по сути, тошнит его своей пустотой.

Потом все собирались, одевались, спускались по тесной лестнице, на которой остро чувствовалась близость Наташи и этих других – совершенно чужих Егору, казалось бы, - людей. А когда вышли на улицу, Егор почувствовал, что Наташа вновь от него отдалилась. Как знать, может быть, надолго или навсегда.

В эту ночь Егор повстречал Мухина также в Прохладном мире.

- А, Егор! – обрадовался он, - Добро пожаловать. А мы тебя уже заждались.

Мухин стоял в какой-то несообразной одежде, напоминающей накидку мушкетера Д-Артаньяна из романа Александра Дюма. В руке у него было сабелька. Егор невольно улыбнулся, вспомнив слова Глеба Самойлова:

Я помню – раз, навеселе,
влетел в твое окно.
Влетел я с саблей, на коне,
мой зад одет в седло..

Егору Мухин тоже бросил саблю и прошипел на диком саксонском наречии:

- Защищайтесь, сударь.

При этом он игриво уколол Егора сабелькой в селезенку.

- Ты должен отстоять честь своей избранницы в рыцарском поединке, - пояснил Мухин.

- Любопытно..

Далее начался фехтовальный поединок, в котором Мухин победил.

Егор почувствовал, что проваливается спиной вниз в мягкую тьму. В такой неприятной ситуации остается только одно – шептать православную молитву. И, очевидно, или Создатель, или какие-то ангелы, или иные высшие силы вняли словам Егора – по завершении короткой молитвы он очнулся на своем диване. В знакомом ему и привычном одиночестве.

Глава 5. СЕМИНАР.

Очнулся один в крови
Ночью, еще до рассвета.
Меня пытались убить,
Угрожали мне пистолетом.
Возможно, все было не так,
Но это уже не важно:
У меня еще есть коньк
И почти не грозит опасность.

«Смысловые галлюцинации», «Все в порядке».

Этой осенью Егор, помимо работы в редакции своей газеты, посетил еще и литературный семинар «Фабула – Дебют», где в секции поэзии представил вниманию собравшихся несколько своих стихотворений. Руководитель семинара заинтересовался стихотворением Егора «Север» (которое Егор считал одним из своих

лучших) и принял его с придирками критиковать.

Именно при таких обстоятельствах Егор впервые познакомился с Анной. Анна была также одной из участниц семинара. Обладая невзрачной и прямо скажем – отталкивающей – внешностью, она компенсировала свое физическое несовершенство активностью в области поэзии и ее критики.

Услышав стихотворение Егора, Анна «загорелась» и попыталась его исправить на свой манер. Вот что у нее получилось:

Ветер целует лицо,
бьёт по ногам ковыль,
чувств разрывая кольцо,
в небо взметая пыль.

Осень и снег в сентябре,
сад под ковром уснул,
кто твои руки согрел,
слышу лишь сердца гул.

В парке – замерзшая синь,
стынут мои слова,
Север, беду отодвинь,
стонет ковыль-трава.

Снег занесёт все мосты,
белый кирпич оград,
памяти нашей цветы,
горечь, что виноват.

Старый автобус – мой враг,
тихо уносит в ночь,
что-то сложилось не так,
жизнь убегает прочь!

- Ну, что вы скажете на это? – спросил руководитель семинара, прищурясь и разглядывая Егора.

В самом деле, что сказать? Такое стихотворение могла бы написать лошадь (если бы умела писать). Оно, правда, было снабжено и обращениями и деепричастными оборотами, призванными скрасить бедность мысли Анны. Егору стало искренне жаль эту

«поэтессу».

Ковыль не может бить по ногам. Правда, Егора били по ногам в свое время, но это не имело ведь никакого отношения к поэзии.

Были здесь и поэтические клише – «сад под ковром уснул», «руки согрел», «сердца гул», «стонет трава». Попутно поэт оказывался «виноват» в какой-то неясной ситуации. Велико же желание взвалить вину на другого в этой поэтической среде!

Но самым обезкураживающим был финал стихотворения, в котором старый автобус объявлялся «врагом» (с какой стати? В чем он виноват?), следующим прямо в ночь (абсурд, если вдуматься), и завершалось все фейерверком из клише – «что-то сложилось не так, жизнь убегает прочь». Егору чуть было не стало плохо от этого потока банальностей.

Наверное, по поводу таких критикесс и поэтесс Александр Сергеевич Пушкин (думал Егор) в свое время писал:

В чужой соломинку ты видишь,
Ну а своей не видишь и бревна.

Чуть позже Егор написал пародию на эту перелицовку его стихотворения. Пародия выглядела так:

Ветер целует лицо,
бьёт по ногам вратарь,
вижу абстракций кольцо,
вспомнила я как встарь –
воду и дым в феврале,
кот под ковром уснул,
кто твои руки согрел, -
слышу комариков гул!
Ох, как кусают они!
Стынут афиши – слова,
подруга, стул отодвинь,
я их газетой достану!
Где-то большие мосты,
белый кирпич оград,
контролер подарит цветы,
скажет – «Мадам, виноват».
Большой таракан – мой враг,
на кухне настала ночь, -

что-то сложилось не так,
он убегает прочь!

В пародии были верно подмечены недочеты поэзии (если ее можно так назвать) Анны – игры клише и стереотипами, дешевые метафоры, бедность мысли. Вообще, поэзия Анны (он имел возможность ознакомиться с ее образцами – семинаристам рассыпали стихи авторов по электронной почте) поражала свои несоответствием формы и содержания. В высокую поэтическую форму, в роскошные словесные обороты и фразы облекались самые лилипутские мысли.

Но у Анны при всем этом было одно несомненное достоинство – немногочисленное общение с ней вносило разнообразие в его размеренную жизнь, забавляло Егора. Ему даже нравились некоторые ее сочинения, например, такое четверостишие:

Отшумел тот бесславный год
Замерзаний на остановках.
Я согрета, жива, и вот –
Вижу ценное сквозь дешёвку.

Блекость, бедность поэзии Анны оттеняли своеобразную прелесть общения с ней. После семинара Анна рассказывала Егору о том, что ей тесно жить в квартирке родителей, что они недавно купили новую стиральную машину, что вообще в городе жить скучно и дорого.

Егор был рад тому обстоятельству, что Анна одна из немногих откликнулась на его поэтический дискурс, на его поэтическое слово. Он умел ценить столь редкое для него внимание представительницы прекрасного пола, особенно сейчас, когда Наташа роковым образом отдалилась от него.

Однако после расставания с Анной (когда Егор шел после семинара по мокрой, в лужах и хлопьях падающего снега холодной улице), чувство одиночества становилось только еще более острым и осязаемым. Однажды он попытался продлить общение с Анной и вызвался ее проводить, а также предложил купить ей мороженое, но Анна отказалась от такой перспективы.

После семинара, вечером, когда было уже на улицах темно, Егор приходил в свою одинокую комнату, включал компьютер и убивал время, заходя в интернет. Но и интернетовские новости казались ему скучными, банальными, уже виденными. Они быстро приедались.

Но были еще и сны. В Прохладном мире (как называл его Егор) перед ним персонажи сна раскладывали рукописные книги, написанные как будто бы даже его рукой. Книги, написанные, очевидно, ему в угоду. Егора поражало, как персонажи Прохладного мира стремятся ему угодить, порой льстя ему неимоверно, лукаво. Егор был осторожен, впрочем, с ними, всегда ожидая какой-нибудь каверзы или бесовской проделки.

Глава 6. НЕВЫДУМАННАЯ ИСТОРИЯ.

Ты летела, улыбалась и пела.
Я не видел подобной неземной красоты!
Что мне небо? Я ни разу там не был,
Я гляжу в него только, потому что там ты.

Я с рассвета тупо прячусь от света
И, крадучись, пытаюсь подобраться к окну.
Прошлой ночью – я видел точно –
Как ты надувала на небе луну.

Луна на солнце, солнце на луне,
Я искал тебя в небе, а потом на земле.

«Смысловые галлюцинации», «Ты на солнце».

Жизнь Светланы и Наташи в этой блочной пятиэтажке, в этом симпатичном в общем-то и уютном доме была, как казалось Егору, исключительно счастливой. Мама Светланы прилично зарабатывала, но дело-то было вовсе не в этом. Будь они нищие, все равно бы ничего не изменилось, ветерок счастья все равно обдувал бы подруг. Невесть откуда он дул, но чувствовал его самый толстокожий посетитель дома.

Было похоже, что подруги совершают какое-то веселое путешествие. Верхний этаж дома плыл под облаками как аэростат. И невозможно было определить, где находится источник этого счастья.

Егор глядел на Наташу, и казалось – источник счастья был найден. Счастье Наташи было молчаливо. Редко когда она задавала вопросы, а, задав, поправляла свои кудрявые волосы рукой и мило склоняла голову набок.

- Где твоя мама? – спросила она как-то у Егора.

- В лучшем мире, - ответил Егор – и почему-то слегка поклонился.

В тот вечер, кроме Егора и неизменного Мухина, никого не было. Мама Светланы была на концерте, Александр был занят своими делами. Мухин, тихий и чинный, искоса поглядывал на Егора.

Егор, пользуясь его молчанием, стал рассказывать, как он сдавал экзамен по русской литературе девятнадцатого века. При этом он обращался преимущественно к Наташе.

- Это было летом, на втором или на третьем курсе. Я не получил экзамен автоматом, как, впрочем, и абсолютное большинство моих одногруппников. Курс русской литературы у нас в ту пору преподавал известный в научных кругах профессор, автор нескольких книг, который, впрочем, большой интеллигентностью не отличался. Он мог внезапно закричать на семинаре или на лекции, выразиться нецензурной бранью в адрес студентов. К этому человеку я испытывал какое-то отталкивающее чувство. Какую-то неприязнь, что ли. И тем не менее было необходимо сдавать ему экзамен.

У меня в группе была хорошая знакомая, которая была ко мне неравнодушна. Наши отношения уже давно перешли грань дружеских. Так вот, она предоставила мне список литературы к экзамену. Я честно прочитал все книги из этого списка. Вечером накануне экзамена мы еще раз проштудировали краткие содержания этих произведений первой трети девятнадцатого века. Ибо, как говорили студенты (а земля слухами полнится), профессор любил погонять экзаменующихся по сюжетам и фабулам прочитанных ими произведений классиков.

В тот вечер я облобызлся с моей милой знакомой, и вот уже на следующее утро я в парадной рубашке иду вместе с ней по омским улицам, направляясь на экзамен.

Захожу в аудиторию, мне попадается билет, вторым вопросом в котором стоит – «Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки». Кое-что из этого цикла я прочитал, поэтому чувствовал себя уверенно.

И это несмотря на то, что парочку студенток из группы профессор уже отправил на пересдачу. И вот подходит моя очередь. Сажусь, уверенно отвечаю на первый вопрос, переходя ко второму.

- А скажите, в каком произведении из цикла появлялась героиня – ведьма? – интересуется профессор.

- «Ночь перед Рождеством»? – в надежде спрашиваю я.

Оказалось, пахнет кое-чем похуже.

- Нет, «Вечер накануне Ивана Купала». Надеюсь, вы читали этот

текст? – ехидно спрашивает профессор.

А именно это произведение, надо вам сказать, было пропущено в списке литературы к экзамену, который дала мне моя знакомая. Мрачные предчувствия начинают одолевать меня.

- Что вы можете сказать о герое этого произведения? – продолжает профессор.

Я принимаюсь выдумывать за Гоголя черты образа героя и наугад сообщаю профессору, что, кажется, его звали Петром.

И что бы думаете! Попадаю в десятку! Довольный профессор ставит мне четверку и отпускает с миром.

Егор рассказывал все это ровным, спокойным, даже скучноватым голосом, будто речь шла о вещах незначительных. Светлана сочувственно цокала языком. Мухин слушал внимательно и два или три раза прочистил горло, словно почувствовал невольное уважение к человеку, вот так просто заглянувшему в лицо знаменитого профессора и достойно ответившего ему. А Наташа.. Да, теперь все было кончено, она не могла не увлечься Егором. И как прелестно ее ресницы расставляли пунктуацию в его речи, какое было трепетное многоточие, когда она посмотрела на Светлану – влажный блеск в сторону, чтобы, вероятно, убедиться, что она не заметила ее возбуждения.

Молчание. Светлана спохватилась и побежала к дверям, заметив, что она еще успеет разогреть чай. В дверях она обернулась и сказала что-то невнятное о пироге. Наташа вскочила с дивана и последовала за ней. Мухин поднял с полу и положил на стол ее платочек.

- У них пироги всегда пахнут медом, - сказал Егор.

- Или черносливом, - сказал Мухин, - к сожалению, - добавил он тем же голосом, - в «Вечере накануне Ивана Купала» никакого Петра нет.

Это было неожиданно и ужасно. Чудесный мыльный пузырь, переливающийся всеми цветами радуги, с отражением окна на глянцевитом боку, вдруг растет, раздувается – и нет его, только немного щекочущей сырости в лицо.

- В «Майской ночи, или Утопленнице», кажется, был подобный персонаж. Я хорошо знаю Гоголя, не раз перечитывал его. Скажите, почему вы сочинили всю эту галиматью?

Егор мог бы еще спасти положение, обратить все в шутку, как-нибудь вывернуться, предложить Мухину вместе посмеяться над его «хитроумным вымыслом». Или вступить с Мухиным в спор, убеждая его в своей правоте. Вместо этого Егор сделал худшее из всего, что он

мог сделать. Понизив голос, он хрипло проговорил:

- Я вас очень прошу.. Пусть это останется между нами..

Так вот в чем дело.. Неужели Егор разоблачен, неужели у него нет загадки, и он взаправду лишь мелкий враль? Так вот в чем дело..

В продолжение этого вечера Егор был молчалив. Мухин победоносно поглядывал на него – как обладатель некой тайны, с помощью которой Егора при случае можно ненароком унизить.

Но Наташа, знавшая вообще-то толк в литературе, была, видимо, очарована рассказом Егора. Она села с ним рядом на диван, Егор всей душой чувствовал ее близкое присутствие. Как волны спадали кудрявые волосы, обдавая Егора тонким запахом духов. Короткое платье обнажало колени тесно сдвинутых ног. Умные глаза быстро двигались, периодически посматривали на Егора. Да, Наташа была очаровательна, хотя над ее очарованием уже нависла зловещая тень жениховства Мухина.

Мухин же скучал, посматривая на свой телефон, где отображалось время.

Было ясно, что в душе Мухина, в душе Светланы, в душе Наташи – в каждой из них живет свой собственный образ Егора. Где же первоисточник, где оригинал? И не был ли настоящим тот образ Егора, который реализовался в Прохладном мире? Не был ли он единственным, ждущим, как говорится, своего исследователя?

В Прохладном мире Егор был свободен и смел, в отличие от наличного земного мира. Он мог высказать свое мнение, касающиеся самых острых политических вопросов современности – и никто не привлек бы его за это к печальной ответственности. Он мог высказаться также насчет популярных ныне поэтов и прозаиков, многие из которых стали «священными коровами» современного литературоведения. Мог спорить, отстаивая свою точку зрения – о политике, о литературе, о культуре. Егор заметил, - в Прохладном мире ценили свободу человеческой личности, ценили право человека иметь свою точку зрения на любой вопрос жизни.

Глава 7. ДЯДЯ ЖЕНЯ.

Странно: когда ты сходишь с ума,
У меня появляется чувство вины.
Я тебя понимаю, ведь мне иногда
Тоже снятся страшные сны.

Снится, что мне не дожить до весны,
Снится, что вовсе весна умерла.
Страх во мне оставляет следы,
Я думал, что страх – это просто слова.

«Смысловые галлюцинации», «Зачем топтать мою любовь?»

Совершенно неожиданно явился из Москвы дядя Женя. Он был родным дядей Наташи, и был тем, что мама Кейт Дороти из сериала «Альф» называла «коммивояжер». Проще говоря, дядя Женя был индивидуальным предпринимателем.

Он старался выглядеть обезпеченным, порой шиковал, покупая себе дорогие предметы одежды. Но иногда, будучи на мели, просил одолжить ему денег у матери Светланы, или просто набивался на даровой обед или ужин в доме Светланы. При этом он постоянно намекал на то, что дела у него идут хорошо, «деньги капают» (как он выражался).

Занятия дяди Жени до конца остались не проясненными для Егора. Егор подозревал, что он занимается перепродажей всякого любого. Дядю Женю интересовало все, что связано с деньгами. Почти как американского миллионера из фильма «Брат-2», к которому наведывался в гости Данила Багров.

С Егором дядя Женя сдружился, часто видясь с ним в доме Светланы, где иногда даже учил его делать утреннюю зарядку. Племянницу свою он видел от случая к случаю и все любил вспоминать, как она ходила под стол – за что он в свое время шлепал ее по попке.

Дядя Женя был крепкий, жилистый, загорелый шестидесятилетний старик. Он был оживлен, шумен и любознательен.

В один из понедельников Егор как-то оправился к врачу в поликлинику для того, чтобы пройти диспансеризацию. Поликлиника располагалась среди уже голых в ожидании зимы деревьев, летом таких оживленных, таких веселых, таких приветливых. Теперь же этот маленький парк, среди которого стояла поликлиника, навевал только тоску.

И вот, в очереди к терапевту – как раз к тому, к которому ему выдали талон (к своему участковому талон взять не удалось), Егор увидел как всегда оживленного дядю Женю. Пока Егор раздумывал, подойти ему к дяде Жене или нет, это дряхлый болтун разговорился с

незнакомой ему пожилой женщиной, падкой, очевидно, до всякой чужой души.

Дядя Женя не заметил Егора, увлеченный беседой. По завершении которой с быстротой молнии заскочил в кабинет, скрывшись за докторской дверью. Но то, о чем было рассказано незнакомой женщине, оказалось исключительно важным для Егора. «Вообразите, - рассказывал ей дядя Женя, имея в виду, конечно же, Наташу, - из девочки вышла настоящая роза. Я, старый воробей, сразу смекнул, что есть кавалер. Вот Лида мне и говорит, это, дядя Женя, большой секрет, но она давно влюблена в этого самого Егора. Ну, мое дело, конечно, сторона. Егор так Егор. Но смешно подумать – я, бывало, - эту девочку – раз-раз! – по голеньким ягодицам, а теперь – глядь, и невеста. Прямо молится на него. Ну, что же, мы с вами пожили, пусть теперь и другие».

Егор был так ошеломлен этими фразами, что чуть не забыл, зачем он в поликлинику, собственно говоря, пришел.

Итак – свершилось. Егор любим. Очевидно, Наташа, чуткая Наташа уловила что-то необыкновенное в Егоре, поняла что-то в нем, его тихость ее не обманула. Счастье разыгрывалось над головой Егора как летняя, со вкусом поставленная гроза. Он ощущал свежий ветер, любовно овеивающий его, громовые раскаты счастья, струи счастья, хлещущие по стеклам, ветер счастья, подобный урагану, который словно захватывал его целиком, заставляя забывать о мелких, несущественных проблемах, о приевшихся, но таких незначительных теперь дневных заботах.

И в Прохладном мире они теперь встречались с Наташей. Егор долго целовал ее, - и она отвечала на его поцелуй. При этом он обнимал Наташу, и надежда на счастье, которое объединит оба мира – довлела над ним как та же гроза.

В этот вечер Егор встретился с Наташой снова в гостях у Светланы. Как он смотрел на Наташу! А она.. она опускала ресницы, ноздри у нее вздрагивали, она слегка покусывала губы – скрывая от всех, видимо, свои прелестные чувства.

Бедного Мухина не было. Александр тоже отсутствовал. Но вот уже в прихожей шумел и сморкался дядя Женя. Он остановился на пороге зала и обратился к Светлане.

- Света, - сказал он, - я здесь, кажется, никого не знаю. Познакомь, познакомь.

- Ах ты Господи, - сказала Света, - да это же ваша племянница, Наташа.

- Как же, как же, - сказал дядя Женя.
- А это Егор, наш молодой, но уже известный журналист, - продолжила Светлана.
- Егор! – воскликнул дядя Женя и заулыбался всеми своими железными зубами, - Ну, Егора-то я хорошо знаю. Счастливец, счастливец, - дядя Женя уже закусил удила – и его было не остановить. Он принял ощущать Егору руки и плечи, - как не знать.. мы знаем все.. Одно скажу: берите ее! Это дар небес. Будьте счастливы, дети мои. Как говорится, дай вам Бог..

Он повернулся к Наташе. Наташа покраснела и выбежала из комнаты. Светлана, издав странный звук, последовала за ней. Дядя Женя ничуть не смущился, видимо, ему было не привыкать вгонять в краску представительниц прекрасного пола. Он и не заметил, как своей выходкой довел Наташу до слез. Мама Светланы вытаращила глаза и разглядывала Егора с большим интересом.

- Любовь – великая вещь, - сказал дядя Женя. Егор вежливо поклонился. – Эта девушка – клад. Вы ведь молодой журналист, не так ли? Работа kleится?

Егор ответил, что да, вполне. Работа журналиста действительно была ему по душе. Он любил работу со словом.

- Я вот поговорю о вас в Москве, - сказал дядя Женя, - У меня там есть знакомые журналисты. Да, я еду, еду. И даже сейчас.

И этот необыкновенный предприниматель, этот человек, которого Егор стал считать с недавнего времени своим другом, посмотрев на часы, протянул Егору руку. А Егор от избытка счастья неожиданно с ним обнялся.

- Ну и дела. Вот чудной! – сказала мать Светланы, когда дверь за дядей Женей захлопнулась.

В гостиную вернулась Светлана.

- Пожалуйста, прости дядю Наташи, - начала она, - я имела глупость рассказать ему про Наташу и Мухина. Он, очевидно, перепутал имена. Я, право, совершенно не думала, что он такой путаник.

- А я слушала и думала, что с ума схожу, - вставила мать Светланы, разводя руками.

- Ну, перестань, перестань, - продолжила Светлана, - что с тобой, Егор? Не надо принимать это так близко к сердцу. Ведь тут нет ничего обидного для тебя. Не надо так переживать.

- Я и не переживаю, - выдавил Егор, - я просто не знал.

- Ну как не знал. Все знают! Это столько времени длится. Да, да,

они обожают друг друга. Уже почти полгода. Слушай, что я расскажу тебе про дядю Женю, - нет, не отворачивайся, это очень интересно, - как-то – когда он был еще сравнительно молод – он финансово помогал одному знаменитому теперь шахматисту..

Глава 8.

«И ВЫ БУДЕТЕ РЕДАКТОРОМ ОТДЕЛА».

Не получили мы прощения
За сны в вагоне окаянные.
В ту ночь нам были откровения,
Да толку что – мы были пьяные...

А что на языке у пьяного,
То на уме всегда у трезвого.
Но трезвым – я не помню дня того,
Вот и спросить, выходит, не с кого.

Из песни Олега Митяева.

Это может быть прекрасно, только не для меня,
Ведь я спотыкаюсь на каждом шагу.
Мне хочется плакать, но я не могу:
Где-то есть что-то сильнее меня.

Когда же закончится замкнутый круг?
Я должен придать своим мыслям ясность.
Кажется, мне угрожает опасность?
Когда же закончится замкнутый круг?

«Смысловые галлюцинации», «Замкнутый круг».

Далее следует пора, когда я прекратил заниматься Егором. Так Волшебник из «Обыкновенного чуда» Шварца отказывался помогать робкому и несмелому Медведю. Вернулся я к моим прежним занятиям, к редакторской работе (я, в отличие, от Егора был безработным – и только редактировал интернет-журнал, посвященный современной литературе).

Если ты не любим (рассуждал я, думая об Егоре), но не знаешь, любим ли твой возможный соперник, а, если их несколько, не знаешь,

кому отдано впечатление, тогда еще жить можно. Беда, если имя наконец названо, и это имя – не твое. Да, Наташа была очаровательна до слез, все было как-то в ней не поправимо. И ее выющиеся слегка волосы, и нежные руки, и полный выразительности взгляд. В Прохладном мире Егор еще встречался с ней, но никогда не шел дальше безнадежного поцелуя. А потом и вовсе эти встречи прекратились.

Я не только редактировал интернет-журнал, но писал еще прозу, исследования, рассказы и стихи. Один из рассказов назывался «Первая любовь». Он по-своему интерпретировал образ Наташи. Вот фрагмент из него:

«С течением времени выясняется, что предмет первой любви может быть изменчив (чего никак нельзя было вообразить в молодости, в пору твоей увлеченности им).

И тем не менее в этот холодный январский день память угодливо, словно по заказу, воскрешает его (ее!) образ в том первозданном очаровании, который был свойственен юности.

И сегодня, идя по холодной, заснеженной, ледяной улице, Егор вспоминал летнюю прогулку со своей первой любовью. Вспоминал, как они держались за руки. Они были тогда молоды.. Впрочем, что такое молодость как не состояние души? - думал он, подставляя спину холодному ветру.

Однако приятно, согласитесь, когда молода не только душа, но и ее оболочка. Молодость тела не возвращается, как показывает вся история человечества. Впрочем, невозможное человеку возможно Богу - как говорят наши православные товарищи.

Такие мысли обуревали сегодня Егора во время его прогулки по магазинам. В памяти вставал образ Наташи - молодой, стройной, привлекательной. Какое все-таки чудо человеческая память: она может сохранять в себе подробности молодости, которые, казалось бы, навсегда должны были кануть в Лету».

Егор мог в принципе успокоиться. Он мог бы думать о том, что:

- очарование Наташи всегда рядом с ним как воспоминание,

- что он выдумал Наташу, как герой Набокова – Ваню,

- что красоту Наташи нельзя взять в вечное обладание, в вечную собственность, как нельзя к изображению луга или леса на картине приобщить аромат трав, соснового бора,

- Наташа никогда в сущности не принадлежала ему всецело.

Все эти мысли о Наташе могли бы, конечно, успокоить Егора. Но чувство ревности непременно теперь вставало перед его глазами,

перед его мысленным взором, когда он думал о Наташе. Приходится признать, что Егор был озабочен почти обыкновенной ревностью по отношению к Наташе. Это как-то принижало его образ в моих глазах. Делало его похожим на многих литературных прототипов. А я так мечтал о том, чтобы Егор был в высокой степени оригинальным героям. Героем, не похожим ни на кого в природе.

Ревность эта, впрочем, была направлена внутрь души Егора. Она уязвляла его душу изнутри. Она не была направлена вовне, на предмет ревности. Егор вовсе не был похож на Отелло, удушившего свою возлюбленную. Ревность причиняла страдания Егору, но он и думать не смел о том, чтобы причинить зло или ущерб Мухину или Наташе, пойти на преступление. «Фантазия беззакония ограничена», - писал в свое время Набоков, и Егор, конечно, помнил этот постулат.

Повесть моя застопорилась. Я думал о том, что могло бы происходить с Егором в Прохладном мире. Егор бы продолжал тосковать по Наташе, это понятно. Но довольствовался бы встречами с ее представительницами, с ее тенями в этом параллельном пространстве. Они бы позволяли ему заходить куда более вперед в смелых поцелуях и ласках, нежели того позволяла Наташа. Но никакого ощущения счастья, которое было в сознании Егора связано с Наташей, эти случайные встречи, конечно, не приносили бы. В Прохладном мире была бы осуществима для моего героя некоторая свобода действия, но эта свобода была бы вне основного сюжета его любви, вне смысловой его наполненности. А значит, такая свобода всегда отдавала бы тупиком.

Мне представлялся Егор как герой западной литературы, европейского литературного текста. Европейские авторы всегда наделяли своих героев большой свободой. Даже Набоков писал о Смуррове, что он, пока Ваня от него отдалась, увлекся новой горничной – Гретхен или Гильдой, - охочей до развратных и игривых ухищрений. Об этой горничной Смурров с удовольствием рассказывал владельцу книжного магазина – Вайнштоку. Горничная, в отличие от Вани, оценила (правда, на свой лад) поэтический талант Смуррова, и называла своего любовника «духовным мужчиной». «Иностранный поэт, как это прелестно.. У иностранца-поэта была несчастная любовь и родовое поместье величиной с Германию, но ему было запрещено вернуться восвояси, как это прелестно».

Будничные редакторские дела увлекли меня, более, чем моя повесть об Егоре. Мой журнал выходил раз в месяц или в два месяца. По интернету мои авторы (коих было немного, но они все же были)

присылали мне свои тексты. Я исправлял в них некоторые орфографические ошибки, иногда удалял неудачные места (что порой вызывало праведный гнев автора), редактируя их. Произведения моих авторов, впрочем, казались мне неглубокими. В качественном отношении, на мой взгляд, они уступали моей новой, только что наметившейся повести. Тем не менее я ценил возможность ознакомиться и опубликовать их. Как знать, может некоторые из них (не все, конечно) были талантливы или, как говорил Александр Солженицын, обладали таким ослепительным талантом, который мы зовем гениальностью.

На первую страницу журнала помещалась картинка, найденная в интернете. Сначала я искал их через поиск. Было много портретов разных писателей, поэтов, о которых речь шла в моем журнале. Но постепенно я обратился к услугам нейросети. Нейросеть генерировала картинки по описанию, которое я составлял. Примерно половина из них были неудачными, но отдельные произведения были замечательными и вполне соответствовали моим поисковым запросам. Изображения, сгенерированные нейросетью, я стал ставить на обложку моего журнала. Кроме того, появился в сети знакомый художник, который стал мне подкидывать собственные картинки юмористической направленности (а ведь юмор был одной из рубрик моего журнала). Эти картинки я тоже изредка ставил в качестве обложки к моему журналу.

Первой рубрикой моего журнала было «Литературоведение и критика». Обычно она пустовала, лишь изредка знакомые критики присылали мне соответствующие ее жанру критические статьи. Ну и, конечно, я писал литературоведческие статьи для журнала и сам.

Вторая рубрика – «Поэзия». В ней публиковались стихи разных жанров и разного качества. В рубрику принимались как творения опытных поэтов с именем, так и первые опыты начинающих пионеров. Так что читатель не знал никогда, что его ждет – насколько качественный текст.

Третья рубрика – «Проза». В ней публиковались в основном рассказы, а также фрагменты повестей. Бывало, повесть начиналась в одном номере, продолжалась во втором, а заканчивалась в третьем.

Четвертая рубрика – «Юмор». В нее повадился писать мой знакомый юморист и афорист. Он помещал в нее свои афоризмы или короткие рассказы. Также в этой рубрике публиковались материалы из архива моего журнала (который изначально был юмористическим), серии «Альфа» - на новый лад, записанные мною анекдоты,

почерпнутые еще в нежном возрасте из средств массовой информации, а также от знакомых и друзей.

Было еще и «Приложение», в котором публиковались текстовые квесты, а также ссылки на полезные программы и тексты, с которыми можно было бы ознакомиться в интернете.

В общем, я не скучал, занимаясь журналом. Каждый месяц (или раз в два месяца) его читало, по моим подсчетам, около ста человек. Да, это немного, но это немало, как пел Глеб Самойлов.

Глава 9. ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА БОГДАНОВИЧА.

Путь из точки до вечности, -

Слова не считаются.

Болезнь безупречности, -

От нее и спиваются.

Красота предсказуема,

Злость обоснована.

Я думал: все кончилось,

Но опять все по-новому..

«Смысловые галлюцинации», «Разум когда-нибудь победит».

В его текстах ни силы, ни света – одно нытье.

Из опуса Натальи Семеновой.

Пой да балагурь, Семенова,

Подливай в стакан.

Я все переслушаю, - так и быть.

Только вот про тексты-то –

Помолчи пока.

Как бы не сорваться мне, как бы мне не завыть.

Из моего сборника «Диалоги о культуре».

Постепенно я вновь начал заниматься Егором. Меня в высшей степени интересовало, как его образ отображается в сознании той же Светланы, Александра, Мухина, матери Светланы и, конечно же, Наташи.

Этот интерес к отражениям я передал самому Егору. Нужно было видеть, с каким неравнодушием он вслушивался в слова Александра, когда тот признался, что еженедельно пишет письма по электронной почте своему ревельскому другу.

- Я все это опишу, - обещал он Светлане, - Получится своего рода эпистолярный дневник. Мой ревельский друг получит прелюбопытнейшее письмо на сей раз. Пройдет пара десятилетий, и я буду перечитывать эти письма. Для пятидесятилетнего зреющего мужчины пишу я эти письма – вот для кого. Прошлое никуда не уйдет. Оно будет оживлено. Вот тебя, Наташа, я описал, как дай Бог описать кадровому писателю. Здесь черточка, там черточка – и вот уже готов живой портрет.

- Прочитай, прочитай, - попросила Наташа.

- Не могу, - уклонился Александр, - в том-то и смысл, чтобы хранить это в секрете до определенного времени.

- Ну покажи Светлане.

- Не могу. Через два десятилетия вы прочтете мои письма. И я прочту. И если решу, что жизнь наша была насыщенной, содержательной, то оставлю мои мемуары потомкам в назидание.

- А если все ерунда? – спросила Наташа.

- Кому ерунда, а кому нет, - кисло ответил Александр.

Егор шалел от мысли, что «эпистолярный дневник» Александра (как автор сам выразился) переберется через десятилетия и оживет в будущем. При мысли о том, что его образ может быть запечатлен так надежно, так крепко, Егор испытывал нечто вроде головокружения.

Он постоянно стал думать о письмах Александра. Возникла у Егора смутная мечта – ему во что бы то ни стало надо было прочитать хотя бы одно письмо. Но как этого достичь? Письма получал только ревельский приятель Александра. Подсмотреть фрагмент письма в телефоне Александра? Но Егору был нужен не фрагмент, ему был нужен его собственный портрет в полный, так сказать, рост – так, как он был запечатлен в письме.

Егор возвращался мыслями к этим письмам. И однажды во сне он кое-что все же смог прочесть. Насколько прочитанное имело отношение к действительному письму Александра, он так и не узнал.

Ему приснилось, что Александр решил отправить письмо обычновенной почтой. Для этого в прохладный летний день (какой обычно бывает в Прохладном мире) он вышел из дома Светланы и направился к ближайшему почтовому ящику, который находился у отделения банка, на углу.

Вот сцена из Прохладного мира: Двое прохожих—соглядатаев рядом со ступенями банка, Александр с письмом, Егор, низкое сумрачное небо с облаками, плывущими ветрено и так быстро, что они грозили, кажется, передавить весь город.

Александр не ожидал встретить Егора. Егор, перекрикивая сумеречный ветер, произнес приветствие, а затем двумя пальцами, легко и быстро, перехватил письмо у Александра Богдановича.

- Я опущу, я опущу, - заорал Егор, - Мне по дороге, по дороге.

Александр смутился. Егор, не удостоив его вниманием ни секунды больше, бросился прочь, подбежал к почтовому ящику и сделал вид, что опускает письмо в его прорезь. А сам в это время втиснул письмо в свой нагрудный карман.

В это мгновенье его и нагнал Александр.

- Что за манеры, - произнес он ворчливо и недовольно, - может, я вовсе не собирался. Ну и ветрище.

- Я спешу, - сказал Егор, пытаясь отбояриться от письмоносца, - Всего лучшего, всего лучшего.

В эту минуту Егор заметил освещенный трамвай, который со стоном брал поворот.

Сцена вторая: Егор сидит в вагоне трамвая, на одном из передних мест. К нему подходит кондуктор. Кондуктор не предлагает оплатить проезд, а почему-то склоняется к письму Александра. Егор прячет от него письмо. Наконец он дожидается того момента, когда кондуктор отходит. Егор открывает письмо и читает. На первой же странице выскакивает его имя.

«Я предполагаю, дорогой Федор, ненадолго вернуться к этому интересному субъекту. Боюсь, что будет скучно, но, как сказал Веймарский Лебедь, - я имею в виду великого Гете (тут следовала фраза на немецком языке). Поэтому позвольте мне остановиться на моем знакомом журналисте Егоре и попотчевать Вас небольшим психологическим этюдом».

Егор прикрывает письмо рукой. Еще не поздно отказаться от дальнейшего чтения, от попыток проникнуть в тайну безсмертия. Какое ему дело, каким психологическим этюдом «попотчует» Александр, по своему гнусному выражению, своего ревельского обожателя? Какое ему дело до того, как воспримут это письмо два десятилетия спустя? И вообще, - не пора ли прекратить охоту за своим отражением, за образом, который вряд ли можно уловить.

Однако Егор знает, что никакая сила не заставит его отложить письмо.

«Мне сдается, мой друг, что я уже писал, что наш хваленый журналист принадлежит, по моему мнению, к той любопытной касте людей, которых я давеча назвал «сексуальными левшами». Весь облик Егора, его хрупкость, жеманство жестов, декадентство, а в особенности те быстрые, страстные взгляды, которые он кидает на вашего покорного слугу, заставляют меня утверждаться в моем мнении. Замечательно, что такие несчастные в половом смысле субъекты выбирают себе предмет воздыханий среди знакомых дам. Так и Егор взял себе в идеалы Наташу: эта смазливая, но достаточно глупая знакомая Светланы обручена с Мухиным, и скоро у них состоится свадьба. Так что Егор гарантирован, что его не привлекут к ответственности, то есть к венцу, - и не заставят исполнить то, что он исполнить ни с одной женщиной мира, будь она самой Клеопатрой, не мог, да и не желал бы.

Погода изменилась к худшему, а вернее, к лучшему, ибо не суть ли эти последние поползновения зимы, ее напускная суровость – предзнаменования весны, милой, маленькой весны, которая в сердце любого человека будит неясные желания и вожделения? Мне приходит в голову афоризм, который, несомненно...»

Егор смотрит письмо до конца. Больше его имя нигде не упоминается. Вновь подходит назойливый кондуктор.

- Конечная остановка, гражданин, - говорит он сурово.

Егор просыпается в своей комнате. За окном – ночь, снег.. Город дремлет. Егор отправляется на кухню, выпивает воды, а затем подходит к окну и смотрит на два горящих окна в доме напротив.

Глава 10.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БЕСЕДА С МУХИНЫМ.

Нам, наверное, лучше вернуться домой.

И лучше не видеться несколько дней.

Уходил с одной, возвращаюсь с другой..

Мне нужно расстаться с тобою скорей.

Мне нужно избавиться, чтобы стать ближе,
Чтоб не взрывалась моя голова.

Мне нужно понять, что я ненавижу.

Я думал, что ненависть – просто слова.

«Смысловые галлюцинации», «Зачем топтать мою любовь».

Зима в этом году выдалась теплой. Но даже эту – теплохладную – зиму недолюбливал Егор. Каждое утро он спешил на работу в редакцию, укутавшись потеплее. И все равно мерз. А тут еще редакторша газеты оскорбила его, вступив с ним в конфликт.

Егор не терпел поношения – и уволился из газеты. Теперь у него было предостаточно времени, чтобы думать о Наташе, о зиме, о своем одиночестве.

«Городская зима не нравится мне, - думал Егор, - лишь резвятся под окнами дворники,

то-то им здесь раздолье! Люди проходят мимо, и снег хрустит под их ногами. А в парке пролегает лыжня, по которой катаются и этой зимой. Фигуры в шубах и с поднятыми воротниками проходят по дорожке двора».

Зима разгулялась вовсю над городом Егора. Снег полонил его. Свирипствуют грипп, ОРВИ, простуда и даже пресловутый коронавирус. Все напоминает неприятный сон,

который хочется поскорее покинуть.

Но зимние сны так сладки, так теплы в заснеженном городе, так манят в сумрак, к себе.

Так соблазнительны.

Бедный город уже не прельщает Егора. Не очаровывает своими обещаниями счастья.

«Как не уйти в стальные сны? – думает наш герой, - О, как жестоки бывают люди..

Какой лютой бранью порой покрывают пространство! Синева неба темнеет, наступает вечер. За горизонт стремится солнце. Что еще ждать от этой холодной зимы?»

Утром – привычный горячий чай и бутерброд, город готовится в зимний поход.

По снегу, по льду, по растаявшей каше, по холоду и морозцу января.

Мир продолжается. Но смысла, смысла в нем Егор опять не находит. Он как бы отделен от него. Плотной и глухой стеной. Мир так же далек от него в эти дни, как Наташа.

Остается писать лишь стихи о былой любви. И тогда оживает мечта. Оживает память.

Егор, написав новое стихотворение, тешит себя мыслью, что Наташа, может быть, прочтет эти строки и невольно почувствует ему.

Итак, наличный земной мир. Огромный человеческий мир, он разделен перегородками на квартиры и судьбы, на тепло и холод, на бедность и богатство. Люди пестуют свое равнодушие, думает Егор, они, кажется ему, душой окаменели - не чувствуют, не желают знать других.

Странные заботы, ненужные заботы затмевают их разум, ведут их куда-то по заснеженному городу, по снегу и льду января. Как найти в этом холодном городе понимающую душу и любящее сердце? Задача, что ни говори, не из легких..

Уснувший город за шторами, он равнодушен к Егору. Люди бродят в своих снах, с ним совершенно не пересекаясь. О, одиночество! И лишь мошенники изредка звонят, разнообразив его досуг. Хотя и напрасно желают получить от Егора деньжата.

Егор наблюдает за людьми на улице этим серым зимним днем. Они все спешат куда-то,

видимо, у них есть какое-то дело к жизни.

Вода нынче замерзла. Везде лед, так что людям волей-неволей приходится быть осторожными, - мое обычное состояние.

Теряются в ледяных торосах, преодолевают горы льда.. Опираются на трости и палки.

Скользят по льду, как герои Евдокимова. Мой бедный город, который я когда-то неосторожно оставил на произвол судьбы. Не знает, что я теперь возвращаюсь.

Вспомним: как сказали бы какие-нибудь маститые литератороведы, зима в песнях Земфиры "имеет негативные коннотации". Проще говоря, это весьма неуютное время года. Даже нелепое, можно сказать (смотри мое стихотворение "Исцеление").

В песне "Снег" первый снег - символ безмыслицы, абсурда отношений между героями песни (из статьи "Сюжеты и темы ранних песен Земфиры" (власти РФ считают иноагентом)).

За что Егор наказан холодной зимой? За что это половинное существование? Опять горы льда и снега, опять морозец на улице. Как разъединены Егор с Наташой.. А Мухин сейчас счастлив и довolen произошедшим. Кто-то так рад, кто-то так рад..

Не чувствует, не понимает всей нелепости зимы, всей глупости холода, опустившегося на белый город.

Есть ли разумное начало в этой зиме? Я пытаюсь убедить себя, что природе тоже надо отдыхать после трудового лета. Но душа противится этому объяснению. Ощущение холода, непрерывная рябь зимнего воздуха, окружающего людей на улице..

Синий и белый лед, сковывающий движение. Это лед моего одиночества.

Окно занавешано инеем, метет метель по земле, зима ополчилась на Егора, ведет наступление по всему фронту. Однако та же зима вдохновляет на стихи. Будит воспоминания о Наташе. Только за это надо быть ей благодарным.

Сцена в квартире Светланы. Егор только что пришел с улицы, с холода, и узрел Светлану и Мухина за светской беседой. Вскоре Светлана уходит, сославшись на то, что ей нужно в продуктовый магазин. Егор и Мухин остаются одни среди этого белого блеска морозного зимнего дня на верхнем этаже многоквартирного дома.

- Послушай, Егор, - начинает Мухин, простирая горло, - а ведь это не дело – гулять с чужой невестой.

- Я не скрываю, Наташа мне нравится, - начинает Егор робко, - но на многое я не претендую.

- Пробовал бы ты претендовать, - цедит сквозь зубы Мухин.

- Позволь, а кто дал тебе право разговаривать со мной в таком тоне? – парирует Егор, - кто знает, может быть, Наташе было бы лучше со мной.

- Ну что ж, давай поразмыслим, - соглашается Мухин.

Он поднимает глаза к потолку, как бы собираясь с мыслями.

- Ты, насколько я знаю, уволился из редакции. По моему мнению, ты проявил мягкотелость, слабость, безхребетность. Кто же ты теперь? Каков итог? Ты – обыкновенный безработный, живущий за счет родителей. Какую перспективу ты можешь предложить Наташе?

- Ну, если речь идет исключительно о материальном достатке, то, конечно, я не самый завидный жених.

- Ты – никакой жених, - резюмирует Мухин, - и что самое печальное – твое увольнение с работы – не случайность. Это завершение логической цепи, в основе которой лежит неумение отстаивать свои интересы.

- Уж ты-то знаешь, как их отстаивать.

- Да, я имею твердую работу. Подонки, негодяи, хулиганы – их всегда много во все времена. Такие люди, как я, востребованы, необходимы обществу. И Наташа умеет ценить меня за это.

- А ты уже знаешь, за что она тебя ценит?

- Это нехитрый секрет. Наташе нужна стабильность, уверенность в завтрашнем дне. А что ей можешь предложить ты, кроме своих жалких стихов, в которых даже рифмы – и той нет.

- А любовь, значит, ничего не стоит?

- Любовь? Это сказки для наивных. Полно, существует ли она? Рано как и другие высокие материи. О да, ты о них много начитан, ты учился русской литературе, насколько я знаю. Но много ли она дала тебе в чисто практическом плане? Привела ли она тебя к счастью? Как видишь, ответ на это отрицательный.

- Ты приникаешь значение русской литературы.

- А ты просто витаешь в облаках, не думая о том, как обжиться в этом мире.

- А что если существует, помимо этого, еще иной мир? Более одухотворенный, более справедливый? Об этом ты не думал?

- Не говори глупостей. Мир один, и он мечтает только об одном – как бы быть сытым и безмятежным.

- А вот верю в существование другого мира.

- И в этот сомнительный – с точки зрения здравого смысла – мир – ты хочешь увести Наташу?

- А разве это так плохо?

- Не завидую девушке, которая прельстится твоими обещаниями.

- А разве Наташа будет счастлива с тобой, человеком, ценящим только материальный мир? По-моему, ты ее плохо знаешь.

- Это ты Бог весть что нафантазировал о Наташе. Наташе нужно то же, что и всем остальным. В этом плане она не исключение.

Щелкает замок в двери, прерывая эту глубокую мысль Мухина. Егор спохватывается, выбегает несколько суетливо в коридор, где его уже ждет Светлана с пакетами.

- Ну как провели время? – интересуется Светлана, - Не скучали?

- С Егором не соскучишься, - мрачно говорит Мухин, появляясь в коридоре.

- О да, он у нас фантазер! – соглашается Светлана.

Глава 11.

СПИРИТИЧЕСКИЕ СЕАНСЫ ВАЙНШТОКА.

А за дверью ждет тишина,
Доведенная до отчаянья.
Вижу в небе свои глаза, -
Хочу сохранить состояние.

Выхожу: меня уже ждут,
Держусь, чтобы не побежать,
Ведь только покажешь спину –

Сразу начинают стрелять.

«Смысловые галлюцинации», «Все в порядке».

В эти зимние дни Егор взял себе в привычку наведываться в книжный магазин, в котором работала Наташа и которым заведовал некто Вайншток. В первое его посещение этой зимой он забрел туда совершенно машинально. Некоторое время он ходил около стеллажей, рассматривая новые книги. Он заметил, что в магазине необыкновенно пустынно. За прилавком послышалось кряхтение Вайнштока.

Погодя он выпрямился, и сказал, объясняя:

- Закатилось, закатилось.

На улице быстро наступал вечер, тишина рано зажженных фонарей убаюкивала пространство.

- Фу, как вы скверно смотрите, - произнес Вайншток, разглядывая Егора, - что с вами? Хворали?

Егор ответил, что действительно был болен.

- Теперь грипп, - загадочно ответил Вайншток и вздохнул. – Давно не виделись, - заговорил он погодя.

- Скажите, после того, как вас уволили из редакции, вы работу нашли?

Егор ответил, что преподавал одно время в педучилище, но теперь это место потерял и интересуется снова работой. Вошел покупатель и спросил англо-русский словарь.

- Кажется, имеется, - очнулся от сонного оцепенения Вайншток (или это вид Егора так подействовал на него?).

Меж тем внимание Егора привлекло тихое покашливание в глубине магазина. Там, за стеллажами, кто-то прошествовал, закрытый от посторонних взоров книгами.

- Вы взяли себе помощника? – ревниво спросил Егор.

- Я его на днях рассчитаю. Это абсолютно негодный старик. Мне нужен молодой.

- Может быть, рассмотрите мою кандидатуру? – поинтересовался Егор, - А как поживает черная рука?

- Если бы вы не были таким злостным скептиком, я мог бы вам рассказать о ней немало интересного.

Здесь следует заметить, что Вайншток питал слабость к спиритическим сеансам, которые он периодически устраивал в гостях у своей знакомой рыжей дамы. К своим возможностям медиума он, впрочем, относился весьма скептически и говорил, что сила ему не

дана, а у медиумов «нервы как струны».

Вайншток был довольно легковерным субъектом. Как выразился бы Набоков, он верил «в чох и жох, в чет и черта, верил в символы, в силу начертаний». И верил, страстно верил в те крупицы знания, которые ему удалось урвать во время спиритических сеансов в гостях у рыжеволосой дамы.

По вечерам он, как пианист, клал руки на небольшой столик о трех ножках. Столик начинал трещать и прыгать кузнечиком. Вайншток вслух читал азбуку. Столик внимал и на нужной букве стучал. Появлялся Наполеон, Магомет, Брежнев и двоюродный брат Вайнштока. Употреблялись для разговоров блюдце с сеткой и специальное приспособление с торчавшим вниз карандашом. Все разговоры тщательно записывались в особые тетрадки.

Вот образчик этих разговоров:

Вайншток.

Нашел ли ты успокоение?

Чапаев.

Нет. Я страдаю.

Вайншток.

Почему?

Чапаев.

Здесь нет алкоголя.

Вайншток.

Желаешь ли ты мне рассказать об ином мире?

Чапаев (после паузы).

Нет.

Вайншток.

Почему?

Чапаев.

Там ночь.

Тетрадок было множество. Вайншток грозился, что когда-нибудь опубликует самые примечательные разговоры. Которые, безусловно, найдут своего читателя. И бы очень забавен дух мо имени Вадим, который сводил Вайнштока с знаменитыми покойниками. Он играл роль своеобразного посредника, ну почти как знаменитый Толик из «Битвы экстрасенсов». К самому Вайнштоку он относился с амикошонством:

Вайншток.

Дух, кто ты?

Ответ.

Александр Сергеевич.

Вайншток.

Какой Александр Сергеевич?

Ответ.

Пушкин.

Вайншток.

Продолжаешь ли ты творить?

Ответ.

Да. Я пишу про свое лукоморье.

Вайншток.

Зачем?

Ответ.

Ассигнации я получил.

Вайншток.

Хочешь ли ты рассказать об ином мире?

Ответ.

Дурак.

Вайншток.

За что ты меня ругаешь?

Ответ.

Надул. Я – Вадим.

Иногда от Вадима, начавшего озорничать, невозможно было отделаться весь сеанс.

Книжный магазин находился на первом этаже девятиэтажного многоквартирного дома. Бывало, Егор выходил на вечернюю прогулку – и видел освещенные окна магазина. Это значило – Вайншток на месте. И можно предвкушать приятный разговор.

Так герой романа Набокова "Смотри на арлекинов" оказывается у парадного фантастического восьмиэтажного дома и отмечает, что "дом .. темен за вычетом трех окон: двух смежных прямоугольников света в середине верхнеэтажного ряда, d8 и e8 в европейских обозначениях.. еще горело прямо под ними - e7". В следующем эпизоде герой оказывается в кабинете, расположеннном внутри дома, в комнате, забитой книгами упакованными и полураспакованными, книжными башнями, кипами газет, гранок, брошюр, так напоминающей лавку Вайнштока в "Соглядатае". Некий Окс вспоминает один из романов писателя тридцатых годов:

" - Я глубоко польщен, - сказал Окс, - возможностью приветствовать в этом историческом здании автора "Камеры обскуры"; это ваш лучший роман, по моему скромному мнению.

- И как ему не быть скромным, - ответил я, сдерживаясь, - когда мой-то роман, идиот вы этакий, называется "Камера люцида".

Изредка Егор встречал в магазине Наташу. Но всякий раз, начиная разговор с ней, чувствовал какую-то странную неловкость. Точно ему должно быть стыдно за то, что он позволил Мухину стать ее женихом.

В один из этих приходов Егора Вайшток отвел его в сторону и, подмигнув ему, сообщил ему, что с понедельника он может приступать к работе.

- Будете работать с Наташей в разные смены, но все равно будете пересекаться, - посулил Вайншток.

Глава 12.

ОБЪЯСНЕНИЕ С НАТАШЕЙ.

Осторожно, только по краю..

Не смотри на асфальт: там лужи.

В лужах тоже небо без рая,

Значит, небу это не нужно.

Мне не важно, что будет завтра,
Лишь бы только не было хуже,
Лишь бы знать, где случится чудо,
Лишь бы ты не смотрела в лужи.

«Смысловые галлюцинации», «Ди-джей сходят с ума».

Но вот в последний раз номинальный земной мир сделал попытку доказать Егору, что он действительно существует: жизненный, возбуждающий волнение и муку, с теплым мартовским ветром и обещаниями счастья.

Егор поднялся к Светлане в полдень, и комнаты были пусты. В гостиной сквозь стеклянную дверь он увидел склоненную Наташину голову. Как оказалось, она читала книгу. И странно: это было первый раз за долгое время, когда они остались одни. Комната показалась Егору совсем маленькой, уютной. В углу стоял треснувший горшок с цветком, который Егор тут же сравнил со своим разбитым сердцем.

В комнате было тепло, жаркое мартовское солнце выглядывало

из-за занавески. Егор поздоровался и без всякого стеснения заметил, что Наташа похожа на Принцессу, ожидающую своего принца. И тут же Егор вспомнил, что через неделю – Наташина свадьба, и вот тут-то он отяжелел, забыл, что нужно беспечно говорить и, отвернувшись к окну, стал смотреть вниз, на тупиковую улицу, за которой стоял в снегу пустырь, а дальше – одноэтажные дома.

- Он еще не скоро придет, - сказала Наташа, - ты знаешь, в этих учреждениях страшно задерживают.

- Твое романтическое ожидание.. – начал Егор, принуждая себя к спасительной легкости. Он еще не взглянул хорошенъко на Наташу, ему всегда было нужно некоторое время, чтобы освоиться в ее присутствии. Прежде чем посмотреть на нее. Теперь оказалось, что она ввязаной серой кофточке с треугольным вырезом, и прическа особенно аккуратная. Она продолжала смотреть в раскрытую книжку. Где-то внизу зажужжал пылесос. Как они были высоко в небе, и совершенно одни..

Егор уже не мог сдерживать поднимавшееся в нем волнение. Были, вероятно, какие-то приготовительные движения, но Егор помнит только то, что оказался сидящим плотно на толстой ручке Наташиного кресла и уже сжимал ей локоть – давно сившееся, запретное прикосновение. Наташа сильно покраснела, глаза ее загорелись слезами. Егор видел, как ее веко наполнилось блестящей влагой. Одновременно она улыбалась, как будто хотела с невиданной доселе щедростью дать Егору все выражения своей красоты.

- Так дальше нельзя, нельзя выдержать, - забормотал Егор, наблюдая, как она аккуратно держит покорный лист книги у нее на коленях, - я должен тебе сказать. Теперь уже все равно: я уйду и никогда тебя больше не увижу. Я должен сказать. Право же, я ношу маску, я всегда под маской.

- Господь с тобой, - возразила Наташа, - я тебя хорошо вижу и хорошо понимаю. Ты – хороший, умный человек. Подожди, я возьму платочек. Ты на него сел. Нет, он упал. Спасибо. Оставь, будь добр, мою руку, не надо меня так трогать.

Она опять улыбнулась, старательно и смешно поднимая брови, приглашая Егора улыбнуться тоже. Но он уже был сам не свой, летала вокруг него какая-то надежда, он продолжал говорить. Скрипела толстая ручка кресла, мгновениями Наташин шелковый пробор оказывался на уровне его губ.

- Больше жизни. С первой минуты, - говорил Егор, - и ты единственный человек, который сказал мне, что я хороший. Я знаю,

знаю: ты была бы счастлива со мной. И если тебе во мне что-то не нравится, я изменюсь, изменюсь, как ты хочешь.

- Все мне в тебе нравится, - заметила Наташа, - даже твое поэтическое воображение. И твоя доброта. И вообще ты такой смешной и милый. Но перестань, пожалуйста, хватать меня за руку, или иначе я просто встану и уйду.

- Значит, все-таки есть надежда? – спросил Егор.

- Никакой. Ты сам это отлично знаешь. И он сейчас должен прийти.

- Ты не можешь его любить. Это обман. Я мог бы рассказать тебе о нем жуткие вещи. Он недостоин тебя.

- Ну довольно, - сказала Наташа – и попыталась встать.

Егор обнял ее, почувствовал ее тепло сквозь кофточку.. Он готов был на все, на самую страшную муку – но он должен был ее поцеловать.

- Почему ты сопротивляешься? – недоумевал Егор, - Для тебя это маленький акт милосердия, для меня – все.

Ей удалось высвободиться и встать. Она отошла к стеклянной двери гостиной. Прищурившись, смотрела на Егора. В небе наметился ровный звук, заключительная нота. Егору было уже нечего терять. Он высказал Наташе все до конца. Он кричал, что Мухин не любит, не может ее любить. Он быстро осветил перспективу их тихого возможного счастья вдвоем. И, наконец, бросил на пол книгу, которую все это время держал в руках, чувствуя, что слезы переполняют его.

После всего этого Егор повернулся и навсегда оставил Наташу в гостиной дома Светланы – вместе с солнцем, вместе со светлым весенним небом земного мира, вместе с таинственными звуками пылесоса в соседней комнате и невидимого самолета за окном дома.

В прихожей, неподалеку от двери сидел Мухин. Он проводил Егора глазами и спокойно сказал:

- Какой ты, однако, негодяй.

Егор холодно ему кивнул и вышел.

Через дорогу, на остановке, располагался цветочный магазин. Егор направился туда, зашел. Свежо и прелестно пахло цветами. Егор ждал продавщицу, поглядывая через стеклянную витрину на улицу: автомобиль, проехавший слева направо, вдруг исчезал, исчезал и другой, ехавший ему навстречу – потому что был только его отражением. Наконец пришла продавщица. Егор выбрал большой букет роз. У продавщицы безымянный палец был обмотан тряпкой, вероятно, укололась. А букет Егор решил послать Наташе – с

запиской, полной грустного юмора..

«Города, страны, мир, вселенная - как они огромны, как просторны, - думал Егор, идя домой, - реки, поля, леса, моря, океаны - все это существует в мире, в мире живет. Рыбы, лесные звери и птицы - все куда-то движется, у всех свои заботы - только не у меня. В прошлом осталось многое в жизни».

Да, Егору оставался только Прохладный мир. И он не без любопытства наблюдал, как тени оживают во снах - с наступлением ночи.

Он подружился со снами, он с ними мирно жил. Тени существований, тени прошлого дружили с ним. Ну а в мире дневном - было много нелепых людей, непонятных Егору,

ведущих себя, на его взгляд, противоестественно и внезаконно.

Так разделился мир на дневной и ночной.

Наташа примирить его бы могла и с этим дневным миром. Но она была так далеко от Егора, и одиноки были его дни под солнцем.

Он вспоминал, как они шли вместе, держась за руки, над этим миром, над этими звездами,

утонувшими в осенних лужах, над старыми сказками и песнями про любовь. Ничего не было выше его чувства в тот осенний промозглый вечер, и звезды в лужах завидовали ему, его долгожданному счастью.

Огни машин пролетали мимо - освещенная улица плыла под тающим снегом.

И ему ничего не было нужно, кроме того, чтобы Наташа была рядом.

Старая осень, странная осень.. Прошедшая, ушедшая в прошлое, но оставшаяся в памяти жарким приветом подлинной жизни, подлинного, извините за выражение, бытия.

Глава 13.

ФИНАЛ.

Сколько будет еще бессонных врачей..

Из постели в постель ползти до утра.

Надо дождаться хотя бы первых лучей –

И забыться на время, пока не наступит весна.

Прятаться глупо, даже если бушует гроза.

Под потоком воды пропадает звериная злоба.

Если нет своих слез, под дождем пусть мокнут глаза.
Если есть в мире счастье, то все же больше кривого.

«Смысловые галлюцинации», «Чужое небо».

Итак, Егор шел с букетом по мартовской улице. И все отдаленно напоминало действительность. Однако ничего не могло доказать ему, что он по эту сторону бытия, а не в Прохладном мире. Егор словно стал по отношению к самому себе посторонним. Он шел по асфальтовой дорожке – и робел, и думал о неприятных вещах, связанных с работой в книжном магазине.

Он шел по самому краю дорожки, представляя себе, что идет над бездной.

- Егор! – окликнул его знакомый голос.

Он обернулся на звук своего имени. Дядя Женя сдергивал желтую перчатку, страшно спеша протянуть ему руку. Выражение лица у него было какое-то смущенное. Он одновременно скалил свои желтоватые зубы и косился на перчатку, которая никак не хотела слезать с руки. Наконец к Егору хлынула его рука. При мысли о том, что дядя Женя хранит еще в себе образ Егора-жениха, Егор почувствовал странную слабость и умиление, даже защипало в глазах.

- Егор, - говорил дядя Женя обрадованно, - вы даже не можете представить себе, как я рад, что вас встретил. Я искал вас как безумный, никто не знал вашего адреса.

Тут Егор спохватился, что слишком любезно слушает это словоохотливое привидение из его прошлой жизни, и, решив немного осадить его, заметил:

- Наташа выходит за Мухина. В этом вы ошиблись.

- Ничего себе известие, - нахмурился дядя Женя, - Ну, улыбнитесь, Егор. Встретите еще свою судьбу. Ну вот вы улыбаетесь. Теперь мы можем разговаривать как друзья. Разрешите вас спросить, сколько вы зарабатываете?

Этого вопроса следовало ожидать от озабоченного денежными вопросами дяди Жени. Однако Егор немного помялся, и лишь потом ответил. Ему все время приходилось сдерживать желание сказать этому человеку что-нибудь приятное, растроганное.

- Вот видите, - сказал дядя Женя, - я вам устрою службу, на которой будете получать в три раза больше. Заходите завтра утром ко мне, в гостиницу. Я вас кое с кем познакомлю. Служба вольготная. Не исключены поездки за границу. Автомобильное дело. Зайдете?

Он попал в точку. Вайншток и его книжный магазин давно приелись Егору. К тому же Егор теперь не мог без содрогания встречаться с Наташей, работавшей у Вайнштока. Егор понюхал холодные цветы, скрывая в них свое удовольствие и благодарность.

- Еще подумаю, - сказал Егор.

- На здоровье. Так не забудьте! Завтра. Как я рад, что вас встретил.

Они расстались. Егор побрел дальше, помахивая букетом.

Дядя Женя унес с собой еще один образ Егора, более бледный, конечно, чем образ Егора-жениха, но тоже весьма и весьма убедительный. Растет население призраков – образов Егора. В сознании Светланы он один, в душе ее матери – он другой, в голове Мухина – третий.

«И все же я счастлив, - думал Егор, - да, я счастлив. Единственное счастье в этом и в другом мире – наблюдать, соглядатайствовать, смотреть во все глаза. Ведь люди занятны, право слово, занятны. Клянусь, что это счастье. И пускай сам по себе я пошловат, подлововат, пускай никто не знает того замечательного, что есть во мне – моей эрудиции, моего литературного дара.. Я счастлив, что могу глядеть и на себя. Земной мир, как ни стараися, не может меня оскорбить. Я неуязвим. И какое мне дело, что она выходит за другого? У меня были по ночам с нею душераздирающие свидания, и ее муж никогда не узнает этих моих снов о ней. У меня есть целый мир – мой сонный мир, в котором может произойти самая фантастическая, самая неожиданная, самая желанная встреча. Вот высшее достижение любви. Я счастлив, я счастлив, как мне доказать еще этому миру, что я счастлив, чтобы мне поверили».

«Ну вот и весна. Снег еще покрывает эту землю, замерзшую, тихую, светят огни в окнах дома напротив, все мирно и тихо, и город словно закрывает лицо рукой, молчит. Провода над двором стынут, неприкаянные. Холодно. Дым из труб, как всегда, идет по-над городом. И ватные тучи закрывают солнце от меня. И, кажется, ничего не изменится и ты не придешь, - так обычно бывает здесь, в этом городе. И я выхожу во двор, засыпанный снегом и звездами. Выхаю морозный воздух. А время идет, перелистывает листки календаря, так бежалостно, так жестоко - и что я могу изменить в его течении?

Только написать свои слабые строки о городе и о любви, безответной, несбышившейся. Ну вот и весна.. Мой тихий город, он так далек от большой игры, от политики, от потоков слов и речей популярных деятелей, прославившихся в нашей стране. Он, как и ты,

отстраняет их рукой и предпочитает не замечать их коварные выпады и тирады. Где-то там, за его пределами остался большой мир - с придуманными страстями, войнами, ненавистью. Где-то далеко люди сцепились в неравной борьбе со своими вожделениями и похотями. И только здесь жизнь течет неторопливо, будто сопротивляясь бегу времени. Только здесь жизнь понятна мне и близка, как когда-то была близка ты. Кто только придумал это время, разрушающее и уносящее жизни людей? Какой волшебник? Тихо-тихо идут по городу троллейбусы, стекла их заиндевели от холода. Наступила зима. Когда-то в таком же троллейбусе я ехал навстречу тебе. Теперь же лишь легкая грусть осталась от этих встреч, грусть несбывшейся любви».

«Да, жизнь без тебя необычно пуста, да, душе моей бывает трудно - смотреть на людей и воспринимать их жесты, слова и поступки. Как будто кто-то коварный выдернул стержень из моего бытия, позаимствовал смысл его, не спросясь, не стеснясь. Пространства так огромны, так велики расстояния между мной и тобой, и теория Фрейда не объяснит страдания души по тебе. Не объяснить ту отраду, которую испытывала душа, когда ты была рядом. Не верится, что это время минуло. Память вцепилась в прошлое - и не желает его отпускать. И настоящее мое дышит прошлым, живет чувствами и моментами прошлого. Как волшебник, я оживляю минуты в словах, когда-то произнесенных тобой.

Теперь тишина, немота опустились на мой город, несчастный и бедный. Но знаю я - и это пройдет. Сама ты придешь ко мне, - хотя не привыкла делать шаг первой. Хотя это кажется странным и необычайным тебе».

Конец ознакомительного фрагмента.